

ОЧЕРК О «ЗАБОТЛИВОМ» НГХ И ЕГО ДЕТИЩЕ ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1942–1945): К ВОПРОСУ О МЕТАМОРФОЗАХ В ИСТОРИИ

В. И. Косик

Косик, В. И. Нарис про «дбайливе» НГХ і його дітище Хорватську православну церкву (1942–1945): до питання про метаморфози в історії

Текст пов'язаний з історією створення Хорватської Православної Церкви, організованою владою Незалежної держави Хорватія, що діяла в 1942–1945 рр. У статті окреслено низку сюжетів, які дозволяють уявити різні сторони її організації та буття.

Ключові слова: Хорватська православна церква, Незалежна держава Хорватія, Гермоген, Павеліч, Степинац, священник, Сербська православна церква.

Косик, В. И. Очерк о «заботливом» НГХ и его детище Хорватской православной церкви (1942–1945): к вопросу о метаморфозах в истории

Текст связан с историей создания Хорватской Православной Церкви, организованной властями Независимого государства Хорватия и действовавшей в 1942–1945 гг. В статье обрисован ряд сюжетов, позволяющих представить различные стороны ее организации и бытия.

Ключевые слова: Хорватская православная церковь, Независимое государство Хорватия, Гермоген, Павелич, Степинац, священник, Сербская православная церковь.

Kosik, V. I. Essay on “caring” independent state of Croatia and its creation – Croatian Orthodox Church (1942-1945): to the question of metamorphoses in history

The text associated with the history of the Croatian Orthodox Church, organized by the authorities of the independent state of Croatia and acting in 1942-1945, the article outlined a number of subjects, allowing different side of its organization and being to be presented.

Keywords: Croatian Orthodox Church, Independent state of Croatia, Hermogenes, Pavelich, Stepinats, a priest, Serbian Orthodox Church.

Идея создания Хорватской православной церкви (далее ХПЦ) пульсировала в умах хорватских политиков давно. Так, в 1911 г. хорватский деятель Nikola Vjelovučić в книге “*Trijalizam i hrvatska država*” писал о проекте, в котором в рамках православной церкви предусматривалось создание особой институции для хорватов православной веры¹.

Однако начавшаяся Первая мировая война и последующее образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, возглавляемого сербской династией Карагеоргиевичей, надолго заморозило появление подобных проектов. «Удобное» время подошло к 1941 году. Одним из первых результатов разгрома Германией и ее союзниками многонациональной Югославии стало образование 10 апреля 1941 г. Независимого государства Хорватии (далее НГХ). Режим, установленный в этом государстве, был «тоталитарный и авторитарный, в котором глава государства др. Анте Павелич (носил титул Поглавника – вождя) и Усташское движение имели всю законодательную и исполнительную власть»². По одним немецким источникам в нем проживало 1 925 000 сербов³.

Возглавляемое Анте Павеличем НГХ под флагом национальной независимости повело политику, направленную против сербства, пошло на ликвидацию всего, что соединяло сербский народ в Хорватии с Сербией. Тому было множество причин. Назову несколько. Разность культуры, прежде всего веры, в которой взрастали сербский и хорватский народы. Можно говорить о восточном (сербы) и западном (хорваты) мирах, каждый из которых веками жил и развивался сообразно своим историческим реалиям, в корне отличными от своего соседа. Вражду между этими народами «подогревали» религиозная нетерпимость и национализм. Немалую роль сыграла и Первая мировая война, в которой сербы и хорваты сражались в разных лагерях, и последующее подчинение Хорватии сербскому Белграду, ставшему столицей нового Королевства.

В этих условиях подчинение хорватов «диким» сербам могло восприниматься как временное. Задачу активной борьбы против гегемонии Белграда взяли на себя усташы. Это ультранационалистское движение получило свое оформление в 1929 г. после убийства в сербском парламенте виднейшего хорватского политика и общественного деятеля

Степана Радича (память о нем зримо видна в Загребе: талантливо выполненный памятник в центре Загреба, памятная доска в кафедральном соборе столицы Хорватии) и введения королем Александром I Карагеоргиевичем диктатуры. Тогда, на следующий день после отмены конституции 1921 г., 7 января национальный лидер Анте Павелич и объявил о создании усташства как организации, борющейся за независимую Хорватию. В июле 1929 г. он приговорен заочно к смерти судом по защите государства в Белграде.

Установление и развитие усташства хорватский историк Юре Яреб рисует так: «После 1918 г. хорватский народ первый раз стал жить в балканском государстве, где физическая сила, убийства и тайные мятежные организации стали нормальными политическими явлениями. Смысл создания Усташского движения и акции др. Анте Павелича были в том, чтобы на силу ответить силой. ... Усташское движение было ответом на ... сербское насилие и бесправное господство в Хорватии... Усташское движение ввело и применило балканские политические методы первый раз в балканской политике. Нужно было показать сербам, что и хорваты умеют владеть оружием, защищаться и нападать. Миротворческая и гуманная политика Радича и Мачека (видный хорватский политический деятель – В.К.) только вызвали презрение и насмешку у ... сербов». Один из выдающихся усташских функционеров Е. «Дидо» Кватерник говорил так: «Антисербство было стержнем усташской доктрины, его *raison d'être* **I ceterum censeo. Это было следствием 20-летнего господства Белграда в Хорватии и осознания того, что господствующая часть сербства хотела уничтожения хорватского народа.** Александр Карагеоргиевич создал Анте Павелича, четники (сербская монархическая националистская организация с девизом «За короля и Родину», получившая распространение в 1941–1944 годы на территории Югославии – В.К.) – усташей»⁴.

Со своей стороны здесь могу только отметить, что сербы, переселившиеся в Хорватию, называли ее «Новой Сербией», что, несомненно, только раздражало местных жителей. И «преступления», как мне видится, сводились к дискриминации хорватов, например, в ограничениях на высшие посты в королевской армии, прежде всего во флоте.

Приведем еще одно мнение, на этот раз Адольфа Гитлера. Во время встречи с Павеличем, видимо в 1941 г., он сказал, что «если хорватское государство желает быть совсем солидным, нужно пятьдесят лет вести национальную нетолерантную политику, так как чрезмерная терпимость в этих вопросах только наносит вред государству»⁵. Это можно расценивать как «разрешение хозяина». В то же время, если из фразы исключить слово «хорватское», это высказывание можно сравнить с имевшим хождение в разные времена в основном в небольших странах этнократическим тезисом о том, что «своя страна только для своих», хотя и с различными оговорками.

Капитуляция Белграда весной 1941 г. воспринималась, повторю, в Хорватии как знак высвобождения из-под ненавистной хорватам сербской власти. Соответственно, Загреб в своей политике предпринимал ряд действий, направленных на искоренение всего, что связывало бы граждан Хорватии с Сербией, с Сербской Патриархией. Одной из первых мер, принятых в Загребе, стало запрещение деятельности Сербской православной церкви (далее – СПЦ) и ее служителей на территории НДХ, сопровождавшееся, нередко арестом духовенства, закрытием храмов и арестом всего церковного имущества.

Для сербов настали тяжелые времена. Один из современников и участников истории, связанной с ХПЦ, Милош Оберкнежевич писал о том времени, что после основания НГХ новая власть устанавливалась относительно быстро в краях, где большинство были хорваты. В районах Врбаской и Дринской бановины с компактным сербским населением власть устанавливалась медленнее, что дало возможность четникам вооружиться и готовить народ к восстанию. Уже в самом начале были эксцессы как с усташской стороны, где сербы были в меньшинстве, так и со стороны четников, где, наоборот, хорваты, мусульмане и католики оказались в меньшинстве. Обострению ситуации содействовали и усташские политические собрания в мае и в июне 1941 г., на которых высокие усташские политические функционеры выступали против «великосербов». Тогда же начались массовые восстания сербов, организованные или поощренные четниками против нового государства в пределах Босанской Краины и восточной Боснии и Герцеговины. Мусульмане и католики бегут в города, а сербы в леса. После первых террористических эксцессов, резни, грабежа, сжигания домов и разрушения религиозных объектов (православных, католических, мусульманских) пришло время мести, когда в основном страдали невинные, не покинувшие

своих жилищ. Вмешательство властей было замедленным и неэффективным. В такой ситуации в сербском меньшинстве в некоторых городах и селах Паннонского региона возник психоз страха: одни бежали в Сербию, другие приходили к мысли о переходе из сербского православия в другие религии⁶.

Глава католической церкви в Хорватии, ныне канонизированный кардинал Алоизиус Степинац, имя которого в истории, особенно в сербской, связывается с гонениями на сербов, несколько раз публично осудил жестокость усташско-четнических столкновений⁷. Но страшный лагерь смерти Ясеновац как-то остался вне поля воззваний хорватского иерарха. Ситуацию резко усложняли не только «заклятые усташа», но и так называемые дикие усташа. Хорватский исследователь Р. Лопашич (Lopašić, R.), книга которого «Памятники хорватского края» (Spomenici hrvatske krajine. Sv. I–III, MSHSM JAZU, Zagreb, 1884–1889) привлекалась М. Оберкнежевичем, подчеркивал, что отсутствие в некоторых областях отрядов организованных усташей обусловило появление отрядов из «безответственных элементов», надевших усташскую униформу и провозгласивших себя борцами за национальную Хорватию. Лопашич пишет, что хорватские власти этих «недисциплинированных самозванцев... сомнительных моральных качеств» стремились «устранить или обуздать» вплоть до расстрела за уголовные преступления⁸.

Хотя мне известен только один пример, когда в 1943 г. был расстрелян усташа из Загреба за то, что убил серба⁹. По сути, это была показательная акция для успокоения сербов. Что же касается «устранения или обуздания», то с ней дело обстояло отвратительно.

Итак, 1941 год – хорватские власти и сербы. Вначале – теория.

Если власти НГХ ставили своей задачей создание государства, в котором бы все были хорваты, а потом католики, то Римо-католическая церковь в Хорватии на первое место ставила окатоличивание или униатство. Две идеи слились в одну: все католики были провозглашены хорватами. Окатоличивание одновременно означало хорватизацию. Есть официальный документ, вышедший из недр МВД, по которому все сербы грековосточного исповедания, перешедшие в римокатоличество, считались хорватами¹⁰.

Павелич и его окружение утверждали, что в Хорватии, по существу, речь идет о православных хорватах, но никак о сербах. В номере от 24 августа 1941 г. в газете, которая выходила в Загребе на немецком языке, и контролировалась усташами “*Neue Ordnung*” Павелич заявил: «...Что касается сербов, то здесь произошла путаница понятий. Настоящих сербов в Хорватии немного». Министр внутренних дел Младен Лоркович в той же газете от 7 сентября 1941 г. в статье «О сербах и четнических бандах» написал, что сербская «пропаганда хотела православных сделать сербами». В той же статье подчеркивалось, что одну часть населения православного вероисповедания в Хорватии составляли влахи. Это остатки «балканско-романской и цыганской смеси», которые в беге от турок нашли убежище в Хорватии и тем самым спаслись от уничтожения. Они и не хорваты, и не сербы, представляя собою нестабильный элемент, легко поддающийся чужому влиянию, и вследствие своей принадлежности православной церкви без сопротивления были подвергнуты сербизации¹¹.

В хорватском обществе пользовались популярностью несколько антисербских тезисов. Первый о том, что сербам, как «пришлым», нет места в Хорватии. Одним из самых известных ораторов на эту тему был министр вероисповедания и просвещения Милета Будак. Выступавший на десятках собраний по всей Хорватии, он утверждал, что хорваты имеют «не только право, но и обязанность требовать от местного православного населения», чтобы оно определилось, кто оно такое, и согласно принятому решению приспособилось. «Поэтому, – утверждал он, – мы имеем право говорить так, если кто серб, то у него есть Сербия, и это его отечество». Другой тезис гласил, что сербы в Хорватии представляют постоянную опасность для существования хорватского народа и его стремления к национальному освобождению. Сербов изображали как «чуждые элементы», которые «всегда были противниками любой освободительной борьбы хорватского народа». Третий тезис охватывал требование принятия конкретных мер к сербам, что решило бы сербский вопрос в НГХ. Усташский девиз о сербах: «Или мне покоришься, или устранишься»¹².

Теперь – практика.

17 апреля 1941 г. был издан декрет о защите государства и народа. Согласно нему, каждый, кто каким-либо способом нарушит или нарушил жизненные интересы хорватского народа или каким-либо способом создал угрозу для существования НГХ и государственной власти, даже если таковая оставалась на фазе попытки, карается смертью¹³.

25 апреля 1941 г. был принят закон о запрещении кириллицы в общественной и частной жизни. Тогда же, как пишет сербский историк В. Джурич, с отсылкой на некие тайные документы, объявлено распоряжении по которому все православные НДХ обязаны на рукаве носить ленту с буквой «П», что значит православный¹⁴. Между тем, утверждает известная и авторитетная исследовательница Татьяна Витальевна Пушкадия-Рыбкина, ни в архивных материалах, ни в официальной печати, ни в иной прессе того времени до сих пор не найдены соответствующие распоряжения, установления или приказы, что, однако, не значит, что такого не было на местах.

(Кстати, о русских эмигрантах. Согласно распоряжению МВД от 31 мая 1941 г. их нельзя было уравнивать с сербами¹⁵. Судя по письму МВД в Министерство сельского хозяйства от 14 июля 1941 г., то же самое касалось и украинцев крестьян, которых насчитывалось около 25 тысяч)¹⁶.

5 мая 1941 г. вышло постановление, вследствие которого СПЦ переставала действовать в НГХ. Летом 1941 г. были приняты постановления о перемене названий мест, которые напоминали о сербском народе, сербской вере или истории. Так, Српска Митровица стала Хрватска Митровица, Сремски Карловцы – Хрватски Карловцы, Српско полье и Српска Капела – Хрватско Полье и Хрватска Капела. Тогда же принимались и другие распоряжения: об увольнении со службы всех сербов, которые переселились в Хорватию после 1900 года, и их потомков, об изымании имущества у добровольцев (сербов) Первой мировой войны, т.е. о возможности государства конфисковать землю и все постройки на ней без компенсации¹⁷.

18 июля 1941 г. министр правосудия и вероисповедания Мирко Пук подписал постановление, гласившее, что прежнее название «сербско-православная вера» больше не соответствует новому государственному устройству. Вводилось старое, до вхождения Хорватии в Королевство сербов, хорватов и словенцев, название «Грековосточная вера». Почти треть населения, таким образом, была удалена от знака принадлежности к сербскому народу¹⁸.

4 декабря 1941 г. был ликвидирован Юлианский календарь. 5 декабря введен Григорианский для грековосточной и грекокатолической церкви.

Сербский вопрос решался и через создание концлагерей, где шли массовые убийства. Наряду с лагерями, убийства шли в других местах, где можно было быстро убрать следы преступлений (в шахтах, например).

Еще одной из форм террора стало выселение. Реализацией плана депортации занималась созданная 24 июня 1941 г. по постановлению А. Павелича новая институция под названием «Государственная дирекция обновления», но запомнившаяся как «Сербское обновление», еще точнее, как орган очищения от сербов.

Первыми депортированными были священники СПЦ и их семьи. Для них был определен лагерь Цапраг около Сиска. Через него прошло около 270 священников с семьями. Кроме него были лагеря в Беловаре и в Славонской Пожеге. Жизнь, как в концлагере, – палки, голод, изнасилования. В конце лета выселение было остановлено вследствие усложнения внутренней обстановки, точнее, появления и развития партизанского движения, прежде всего в Сербии¹⁹.

Священникам пришлось испытать все, что выпало на долю их паствы. Так, 9 августа 1941 г. из Загреба было направлено окружное письмо местным руководителям и начальникам следующего содержания: «В связи с уже ранее данными инструкциями арестуйте всех монахов и еще оставшихся греко-восточных попов вместе с их семьями и направите их в лагерь для выселенных лиц Цапраг близ Сиска. Это относится только к попам, которые по национальности сербы и черногорцы, которые ощущают себя сербами...»

Равно информируетесь, что исключены от выселения на жительство в Сербию лица румынского, македонского/болгарского, русского и украинского происхождения, как и те черногорцы, которые не нанесли ущерба интересам хорватского народа и не считали себя сербами. К этим лицам не смеют применяться меры, которые предпринимаются против опасных ... сербов»²⁰.

Для многих из православного духовенства, монашества наступала вновь эпоха гонений. Пережить, переждать, спастись – такая задача стояла перед ними. Переселение в Сербию стало для многих – сербов и русских – спасением жизни. Представленным «пропуском» воспользовался ряд пастырей, одним из которых стал протоиерей Иван Щербак (1879 г., Чернигов – ?), служивший в Хорватской Капеле.

Повторяю, судьбы были различны. Протоиерей Михаил Готовский (08.11.1881–07.01.1942), священник в Требинье, осенью 1941 г. убежал в Сербию, потом вернулся в Хорватию. В Сочельник 1942 г. был арестован и на следующий день – Рождество – расстрелян²¹.

Многие церкви стали конюшнями, складами и другими объектами, некоторые храмы иногда «превращались» в католические или униатские церкви. Рабочей силой по разрушению церквей были сербы и евреи, принужденные этим заниматься. Некоторые церкви рушили и сами хорваты, труд которых обычно оплачивался деньгами или компенсировался выдачей строительного материала или иначе²².

Уже ко времени основания ХПЦ большое количество сербов стали католиками. Причем большинство, по утверждению Т. В. Пушкадия-Рыбкиной, считало это «временным состоянием». Сам процесс «перехода на веру», как тогда говорилось, был насильственным по своей сути, хотя и обставленным различными риторическими высказываниями.

А какова была позиция Римо-католической церкви в Хорватии? Кардинал Алоизий Степинац записал в своем дневнике: «Самым идеальным было бы, чтобы сербы вернулись к вере своих отцов, т.е. преклонили главы перед Наместником Христовым – Св. Отцом. Тогда бы мы могли окончательно вздохнуть с облегчением в этой части Европы, так как византизм отыграл свою страшную роль в истории этой части света в связи с турками»²³.

При этом весьма любопытно церковное распоряжение (акт) Католической церкви, напечатанный в “*Katoličkom listu*” 15 мая 1941 г. Особое внимание в нем предлагалось уделить тем, кто в течение предшествующих двадцати лет по карьерным соображениям, в минуты слабости и по другим особым мотивам отпали от католицизма, но поддерживали связь с католической церковью и, насколько возможно, воспитывали детей в католическом духе²⁴.

Однако совершенно другое было отношение к тем, кто колебался, не хотел менять веру отцов. Начальник отделения веры в Дирекции обновления фра Дионий Юричев говорил на многих собраниях по окатоличиванию православных: «В этой стране не может больше жить никто, кроме хорватов, так как это Хорватская страна, и кто не перейдет в католичество, мы знаем, как поступить с ним... Не обращайтесь, что я в священнической одежде, но знайте, что я, когда нужно, возьму автомат в свои руки и уничтожу все, вплоть до колыбели, все, что против усташских власти и государства»²⁵.

Были и другие патеры. Так, М. Оберкнежевич, ссылаясь на книгу видного хорватского политика и государственника В. Мачека (*Maček, V. In the struggle for freedom*. New York, 1957), приволил следующий пример: «Бросается в глаза случай сараевского священника, который говорил православным, переходящим в католичество: «Дети, Ваша мать Православная церковь в неволе и не может заботиться о вас. Вы приходите к Вашей тете Католической церкви и когда Ваша мать выздоровеет, то Вы вернетесь к ней». Этот священник был приговорен к смерти коммунистами после их прихода к власти»²⁶.

Бывало, что сами хорваты защищали своих соседей-сербов от нападений усташей. Об одном из таких эпизодов мне рассказывал мой хорватский коллега, отец которого пригрозил собственноручной расправой рьяному усташе и спас тем самым своего приятеля.

Но все же история сохранила гораздо больше иных свидетельств. Так, католический священник Франьо Матица говорил собравшемуся народу в Новой Градишке: «Бог на небе, усташа на земле, Ясеновац посередине, а сейчас хотите или не хотите...»²⁷. В качестве комментария можно предложить объяснение перехода в католичество крестьян из окрестностей Вировитицы: «Мы были принуждены перейти в католичество уже только для того, что наших детей и жен не будут мучить и убивать в лагерях, видя, что способны усташа сделать с сербами в Хорватии»²⁸.

При этом усташа позволяли далеко не всем сербам переход в католичество. Из письма Министерства правосудия и вероисповедания (далее МПВ) от 14 июля 1941 г. в Ординариат можно видеть, что хорватское правительство категорически отказывало в возможности перехода в католичество православных попов, учителей, вообще интеллигенцию, богатых торговцев, ремесленников и крестьян. В католическую веру возможен переход только бедному крестьянству. По мнению историка В. Джурича, недопущение богатых слоев населения преследовало одну цель – захват их имущества силой. Именно это и определило их дальнейшую судьбу – лагеря, убийства²⁹.

Правда, впоследствии кардинал Степинац в своем циркуляре писал: «Что касается перехода православных священников, учителей, торговцев и вообще интеллигенции и богатеев, нет никакого сомнения, что к рассмотрению их возможных прошений о переходе нужно подходить осторожно. Но и здесь нужно подчеркнуть, что было бы противно духу и задачам католической церкви, если бы она принципиально отказывала всей интеллигенции в приеме в католическую Церковь»³⁰.

В тогдашней Хорватии можно было наблюдать и такие картины, когда в 1941 г. целые православные села из окрестностей Осиека переходили «колоннами в католичество под хорватскими знаменами». Потом все испортили «дикие усташи», начавшие шантажировать и грабить видных новообращенных³¹.

Но перекрещенных сербов не спасала, случалось, новая вера, несмотря на предупреждения центра считать их католиками. Было несколько случаев, когда после перекрещивания их убивали в церквях. В апреле 1942 г. Министерство просвещения издало приказ о том, чтобы не было ни одного православного учителя, который не был бы перекрещен или не стал мусульманином. Перекрещивание должны были принять даже лагерники, которым только оставались часы и дни жизни. Хотя были случаи, когда перекрещивание спасало и выводило из лагеря. Об этом есть свидетельство А. Бенигара о том, что кардинал Степинац через Поглавника спасал таким людям жизнь, освобождая из лагеря³².

Настоящая цель перекрещивания видна из директивы Президиума правительства от 13 января 1942 г., направленной всем государственным учреждениям. Она состояла только из двух фраз: «Сообщаем Вам, что грековосточники, которые перешли в римокатолическую веру, считаются хорватами». Позже власти объявили, что это касается и тех, кто принял ислам³³.

Здесь небольшое добавление. В сербском языке есть такое слово «инат», означающее «упрямство», «делать все наперекор, назло». Вот так сербы и принимали вместо насильно навязываемого им католичества ислам «на инат»!

В целом, все принятые меры, даже террор, не привели к решению сербского вопроса в его целостности. Здесь были «виноваты» и партизаны, и сами сербы, большинство которых оставалось верным вере своих отцов, и усташский террор, вынуждавший немецких представителей в Хорватии делать представления Павеличу о необходимости сменить тактику в отношении сербского населения.

Но можно посмотреть на все это с другой стороны и охарактеризовать проделанное, как предварительную «расчистку хорватского поля от зловредных сербских сорняков», необходимую для строительства чистого хорватского государства. Слово «серб» и его производные были почти вычищены из официальной терминологии. Оставались только сами сербы. Их оставалось достаточно много, и нельзя было за короткое время «избавиться» от них, тем более, что сами власти в своих теоретических построениях признавали за многими хорватские корни.

В создавшейся ситуации необходимо было искать другой путь решения «сербской проблемы», а именно: через основание Хорватской православной церкви.

Некоторые придерживаются мнения, что ХПЦ создана под давлением Берлина, считавшего «ошибочной» усташскую практику репрессий, которые вынуждали сербов уходить в леса к партизанам или четникам. Другие полагают, что речь шла об искусном маневре усташей, которые тем самым стремились обмануть своих союзников немцев, а потом и оставшихся сербов в НДХ. Но есть и те, кто в решении Павелича находят элементы искренности и желания решить сербский вопрос самым безболезненным методом, пока было время и бремя власти.

3 апреля 1942 г. Павелич издал распоряжение, имевшее силу закона, об основании Хорватской православной церкви, имевшей статус патриархии с центром в Загребе. Поставление серба во главе церкви в Хорватии было невозможным, поэтому было решено искать «на стороне». В ходе поисков было решено остановиться на кандидатуре архиепископа Гермогена. Кто он был? Будущий глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген (Григорий Иванович Максимов) родился 10 января 1861 г. в священнической семье в донской станице Нагавской. По завершению местной школы продолжил учебу в Новочеркасской духовной семинарии (1879–1882). Потом была Киевская духовная академия, которую он в 1886 г. окончил. В начале 1910 г. (по др. данным в 1909 г.) о. Григорий принял монашеский сан с именем Гермогена, а 9 мая 1910 г. был хиротонисан в церкви

Св. Троицы монастыря лавры Александра Невского в Петрограде во епископа Аксайского. Стал викарием Донской епархии и архипастырем Всевеликого войска Донского³⁴.

Потом после разгрома казаков последовал отход в Новороссийск. Градоначальник Новороссийска С. Поповский помог Гермогену устроиться на больничном судне «Владимир» корабельным священником. 14 марта 1919 г. корабль отплыл в Царьград, а потом в Салоники, где высадил раненых и часть больных тифом. Все остальные пассажиры-беженцы были отправлены на печально известный остров Лемнос. Там он провел около полугода, где со своей энергией служил церкви и отечеству³⁵. Но, как свидетельствует протопресвитер Георгий Шавельский, – не царю. Владыка отслужил панихиду по гражданину Романову, но не по самодержцу Николаю II³⁶.

Очень трудно, зная монархизм Гермогена, объяснить случившееся. Возможно только одно: отречение царя воспринималось совершенно различно. Человеческая природа допускала оставаться верным принципу монархии, но отстраняться от личности Николая II, отречение которого от престола сыграло свою роль в развязывании кровавой бойни, именуемой благородно Гражданской войной, одним из последствий которой стало «Лемносское сидение».

В 1922 г. Гермоген получил долгожданный сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского³⁷. Но в книге «Казачий словарь-справочник» приведен другой год, а именно: 1935 г.³⁸. К 1941 г. он обретался в расположенном на территории НДХ Хоповском женском монастыре, в котором в свое время нашли пристанище русские монахини из Леснинской. (Подробная биография владыки Гермогена напечатана была в нескольких номерах в “Glase pravoslavljā” авторство, вероятно, принадлежит Саве Марковичу Штедимли)³⁹.

Казалось, что бушевавшая в Европе война не нарушит мирное житие владыки, перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и Гермоген так и останется в истории как один из иерархов, незаметно окончивших свои дни в изгнании. Но именно в эту грозную эпоху его востребовало время власти и долг.

Сам владыка 26 мая 1945 г. на допросе у коммунистического следователя показал: «В начале весны 1942 г. ко мне в монастырь Хопово приехал Милош Оберкнежевич с предложением от Павелича, чтобы я и епископ Феофан (Гаврилов. – В.К.) учредили и организовали новую православную хорватскую церковь. Он тогда сказал, что в Хорватии имеется два миллиона православных, но нет священников, поэтому было бы нужным самим заняться организацией церкви и поставлением священников, так как без священников нет ни крещения детей, ни венчания, ни похорон. Мы двое согласились принять сделанное предложение. После нашего согласия Милош Оберкнежевич отбыл в Загреб докладывать Павеличу. В мае того же года он вновь вернулся в Хопово и предложил мне стать во главе всей Хорватской православной церкви с титулом митрополита. Епископу Феофану было предложено принять пост сараевского епископа, но он отказался от этого предложения из-за того, что рефлексировал, что я буду глава православной церкви в Хорватии. Вскоре после моего отъезда он уехал в Белград, где умер 2 июня 1945 г. [...] После моего прибытия в Загреб я был принят на аудиенции Павеличем. Он мне сказал, что я назначен главой Хорватской православной церкви и чтобы я как можно скорее занялся ее организацией»⁴⁰.

5 июня 1942 г. было опубликовано соответствующее постановление, имеющее силу закона. А спустя три дня в соответствии с уставом Гермоген принес присягу перед Поглавником: «Я, архиепископ и митрополит загребский, ХПЦ, присягаю Богу Всемогущему, что буду верен Хорватии и Поглавнику... совестно держаться канонов церковного устава и остальных церковных и государственных законов и установлений, точно выполнять свои обязанности, хранить официальные тайны и всегда защищать и продвигать и представлять пользы Хорватской Православной Церкви»⁴¹. Добавлю сюда, что Гермоген, как старый враг большевиков, был германофил и в фюрере видел «единственное спасение Европы»⁴².

Само основание ХПЦ и поставление митрополита были отмечены властями актом о выпуске из тюрем и лагерей, как Сисак и Славянски Брод, около 3000 православных и некоторого количества священников, не уехавших в Сербию. Закрытые православные церкви начали открываться. Началось массовое крещение детей и совершение венчания. Последовало также вмешательство в судьбу 600 офицеров запаса православного вероисповедания, которые должны были быть отправлены в боевые части. Однако после вмешательства министра Артуковича они были освобождены от отправки на места боевых

действий, часть отпущена по домам. «Установлены дружеские отношения с католической иерархией и мусульманским духовенством». Во время двухчасового приема Гермогена у Степинаца «шла речь о сближении церковей и об экуменических темах»⁴³.

Возвращаясь к «истокам» темы, возникает вопрос, чем вызвано было все же принятие Гермогеном предложения властей НГХ встать во главе формируемой ХПЦ? Одно из наиболее вероятных объяснений предоставил М. Оберкнежевич: «Выбор преос. Гермогена некоторые критикуют из-за его глубокой старости и из-за его русского происхождения и пишут о его «выгаскивании из монастыря Хопово». Во-первых, преос. Гермоген жил монашеской жизнью и уже поэтому далеко не был честолюбив, а его высокие духовные и моральные качества были хорошо известны. Поэтому его согласие на высший иерархический сан в Хорватской православной церкви для него было жертвой. Согласился он на сделанное предложение только из религиозных и гуманных причин. Знал, что, вероятно, по своим преклонным годам не доживет до чести поставления в патриархи и что она логично должна пасть на его сына. Его русское происхождение служило компромиссом. Православные священники, хорватско-православные, были малочисленны, и выбор среди них был весьма ограничен. На другой стороне сербы, занимающие высокие церковные посты, должны были переболеть травму, вызванную созданием нового государства и новой ситуацией, в то время как молодые, которые быстро приспосаблились к новым обстоятельствам, не подходили по очевидным причинам их молодости и недостатка опыта»⁴⁴.

Вопрос о каноничности мало беспокоил хорватские власти, да и самого Гермогена, повторяю, находившегося под контролем государства. Глава ХПЦ подчеркивал на следствии, что все распоряжения властей НГХ он выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Равно как и «Хорватская православная церковь во всем покорялась приказам и пожеланиям власти»⁴⁵. Само положение новой церкви и ее возглавителя с канонической точки зрения не выглядело законным без благословения вышестоящей церковной власти: письмо владыки, **отправленное в Константинополь, в патриархию, осталось без ответа**⁴⁶. Там сочли за лучшее оставить извещение Гермогена об основании ХПЦ и своем назначении без внимания.

Весьма прозрачной была надежда на Москву. Сам митрополит Гермоген на допросе 26 мая 1945 г. показал, что его принятие должности главы ХПЦ не «противоречило канонам православной церкви, так как по канонам каждый епископ должен получить разрешение от своей церкви, чтобы мог стать во главе епархии или целой церкви. Согласно этому, – продолжал владыка, – я мог просить разрешение только в русской церкви в Москве, так как принадлежал ей, и мне не нужно было разрешение сербско-православной и русско-беженской, так как русская беженская церковь не была признана русской церковью в Москве, поэтому митрополиту Анастасию было запрещено священнослужение московским патриархом»⁴⁷.

Замечу, что еще ранее синод Русской православной церкви **за границей во главе с владыкой Анастасием** принял решение об исключении архиепископа Гермогена из состава синода, запрещении в священнослужении и при первой возможности предании его церковному суду.

Здесь у Гермогена оставался единственный путь. На допросе 23 мая 1945 г. Гермоген заявлял, что попросил благословения русского московского патриарха Сергия через русского священника из окрестностей Вены Михаила Виноградова, близкого знакомого московского патриарха, который известил, что ему «патриарх дает свое согласие» и он может принять место митрополита хорватского»⁴⁸. Однако эти слова внушают определенные сомнения уже потому, что в условиях военного времени связаться из Вены с Москвой было весьма трудно. Здесь можно предположить, что владыка либо вводил в заблуждение следствие о получении благословения из Москвы, либо таковое было действительно получено. Однако более вероятным представляется первое, уже по тому, что о нем нет ни слова в показаниях на следствии ближайших сотрудников Гермогена.

Власти возлагали определенные надежды на признание своего «детища» церквами Болгарии и Румынии, но они не оправдались. Однако неудачи с признанием не могли уже остановить начавшееся строительство ХПЦ. Для Загреба эти переговоры о признании законности своего детища, видимо, выглядели лишь «играми». Негативный результат оставил их равнодушными. Главное было сделано, вопрос признания или непризнания был второстепенным, маргинальным.

5 июня 1942 г. был принят Устав ХПЦ, списанный из Устава СПЦ образца 1931 г., но уже без «сербизмов»: «поглавник» стал вместо «короля», «НГХ» вместо «Королевства Югославия», «хорватский» вместо «сербский». Были внесены и соответствующие изменения, должностными подчеркнуть независимость новой церковной организации.

Организация ХПЦ по уставу была автокефальной и епископальной, ее церковно-иерархические и самоуправленческие органы включали в себя патриарха и митрополита загребского, св. Архиерейский собор, Великий церковный суд, епископы, епархиальные церковные суды, архиерейские наместники, приходские священники и церковно-общинские управительные комитеты, а в административном порядке делилась на епархии, архиерейские наместничества и приходы.

Структура новой церкви включала в себя, кроме Загребской митрополии, епархии Сараевскую, Бродскую и Петровачкую (последняя не могла окончательно утвердиться в Босанском Петровце из-за партизан, активно действовавших в этом регионе), некоторые приходы, пять архиерейских наместничеств. Загребское возглавлял священник Серафим Купчевский; Сараевское – архимандрит Николай Руженцов; Зеничское – священник Анатолий Парадиев; Земунское – священник Васо Шурлан; Шидское – священник Василий Юрченко.

Забегая вперед по времени, в 1944 г., считаю необходимым осветить крайне сжато деятельность печатного органа ХПЦ – “Glas pravoslavija” («Голос православия»). Именно тогда, на Пасху 1944 г., вышел первый его номер, который нерегулярно выходил до Пасхи 1945 г. (№№ 1–14).

Редактором официальной части газеты был Йоца Цвиянович – священник и начальник канцелярии митрополита. В первом номере (Пасха 1944 г.) напечатаны послание митрополита, вводная статья «Наша Пасха», статьи «Положение православной церкви в Хорватии», «Поглавник о православии», «Позиция Святогорского монастыря о выборе Сергия московским патриархом», «Святосавы и партизанство», «Знаменитые хорваты православной веры» и др.⁴⁹.

Подчеркну, что некоторые материалы в газете были связаны с освещением положения церковных дел в СССР, как например, с кончиной патриарха Сергия и его преемником патриархом Алексием I⁵⁰. Весьма содержательным был очерк о патриархе Сергии. Там, в целом, верно обрисовывались основные этапы жизни гонимой Русской церкви. Представлены наиболее значительные события в ее истории во время власти большевиков. Приводились некоторые цифры потерь церкви – около 300 000 убитых церковнослужителей, примерно 70 000 разрушенных храмов⁵¹. Помещались и другие материалы, например, связанные с Украинской автокефальной православной церковью и посланием ее епископского Синода от 25 марта 1944 г., с визитом украинских епископов к Гансу Франку, генерал-губернатору Польши⁵². Встречались небольшие заметки, посвященные конференции православных епископов «восточного пространства» в Риге в апреле 1944 г.⁵³, или обстоятельствам гибели 29 апреля 1944 г. митрополита Сергия (Воскресенского)⁵⁴.

Теперь немного о некоторых строителях ХПЦ. Вначале о начальстве – фра Радославе Главаше, ведавшего в Министерстве правосудия и вероисповедания (МПВ) делами ХПЦ. Как пишет Оберкнежевич, это «был весьма культурный и вежливый господин (католический священник, учитель и литературный критик). Искренне желал, чтобы дело православия решить корректно, к всеобщему удовлетворению. Говорил, что как католическая церковь не хочет лишнего вмешательства государства в ее дела, так и государство не должно вмешиваться в дела других вероисповеданий. Во многом благодаря ему власти держались в стороне в делах по поставлению церковнослужителей в Хорватской православной церкви. Не чувствуя себя виноватым, он не хотел бежать в мае 1945 г. В первом списке расстрелянных партизанами в Загребе было его имя»⁵⁵. Только одно небольшое добавление: власть не оставляла без своего внимания дело назначения священников на приходы.

Одним из наиболее ревностных приверженцев Гермогена являлся священник Васо Шурлан. Адресованное в канцелярию Павелича свое прошение от 17 июня 1941 г. он завершал словами: «Прошу предоставить священнического места или какой другой службы в Хорватии, где бы мог лучше послужить новому европейскому порядку»⁵⁶. Наиболее яркими строками в его автобиографии являются следующие: «Подписанный готов организовать Православную церковь Независимого государства Хорватии, которая не будет следовать директивам белградских масонов, а направлению боевого усташского Независимого

государства Хорватии»⁵⁷. После занятия войсками Тито Загреба сведений о дальнейшем пути и судьбе священника Васо Шурлана, к сожалению, не обнаружено. Можно только предположить, что он, как и многие другие, нашел пристанище в одном из американских государств.

В целом, обзревая все сведения об окружении митрополита Гермогена, можно заключить, что там были и советники, и «контролеры», нередко совмещавшие обе функции.

Пожалуй, самой колоритной фигурой в ХПЦ был владыка Спиридон Мифка. В начале августа 1944 г. в «Гласе православия» был объявлен указ Поглавника, что «на основе ст. 116 устава Хорватской православной церкви от 5 июня 1942 г. ... по предложению министра правосудия и вероисповедания назначаем Спиридона Мифку, хорватского православного священника, епископом епархии сараевской Хорватской Православной Церкви.

В Загребе дня 8 августа 1944»⁵⁸.

Неделей позже состоялась хиротония и была вручена соответствующая грамота, которую подписали Гермоген и румынский митрополит Висарион Пую⁵⁹. Есть четыре биографии Спиридона Мифки. Одна была напечатана в форме разговора с ним в «Гласе православия», будучи предназначенной «для широкого потребления». Спустя почти тридцать лет, в 1976 г. в «Vjesnik» («Вестнике») от 10 марта Св. Лозо и В. Додер опубликовали другую биографию С. Мифки, избилующую компрометирующими сведениями (*Lozo, Sv. Doder V., Vjesnik, 10 ožujka 1976*).

И, наконец, третья биография, изложенная самим Мифкой на допросе весной 1945 года. В сжатом виде она такова: родился 9 апреля 1902 г. в Самоборе. В 1924 г. начал изучать теологию в Сремских Карловцах, в 1925 г. перешел в православную веру. В 1927 г. был рукоположен в дьякона, в 1928 г. – в священника, служил до 1935 г. на приходах. Три раза подвергался церковным судом наказаниям, вплоть до лишения священства за самовольное оставление прихода. Потом была работа в страховом обществе. В 1936 г. его принял владыка Николай Велимирович в монастырь Св. Николая, где принял монашеский сан. Потом Мифка был перемещен в монастырь Студеницу, откуда самовольно уехал в Охридско-Битольскую епархию, так как «не мог согласиться с методами работы Жичских монахов, которые дурачили народ». В сентябре 1939 г. его принял епископ Платон, вернувший Мифке священнический сан. Потом последовало назначение в монастырь Св. Наума близ Охрида, где его застал крах Югославии. Затем стоял во главе монастыря Вета (Успения Пресвятой Богородицы, близ Ниша). В конце 1941 г. был освобожден от настоятельства. В июне следующего года приехал в Белград, где жил на положении штатского лица. Потом добровольно на полгода уехал на работы в Германию, в Дортмунд. По возвращении в Белград сразу уехал в Загреб, где попросил митрополита Гермогена дать приход в ХПЦ. По разрешению министерства правосудия и вероисповедания получил место приходского священника в Горажде, где служил с 1 февраля по сентябрь 1943 года. Причем, первое время совершал объезды прихода только в сопровождении жандармского патруля. Затем последовало его перемещение на приход в Высоко. 15 августа 1944 г. Мифка был хиротонисан в кафедральной церкви во епископа Сараевского митрополитом Гермогеном и митрополитом Висарионом, не поставленных им в известность, что некогда он был лишен священнического сана. Перед входом титовской армии в Сараево, бежал в Загреб, где находился до своего ареста 22 мая 1945 г. Сам он, позднее, на следствии признавал себя виновным в принятии епископства, но оправдывался тем, что его принудили власти. Причем хиротония должна была совершиться в Болгарии, однако по неизвестным причинам, скорее всего нежелания Софии принимать участие в хиротонии епископа непризнанной церкви, она там не состоялась. Как известно, на помощь пришла Румынская церковь.

С приходом на Сараевскую кафедру Мифка учредил церковный суд по разбору бракоразводных дел и дисциплинарных проступков. Открыл в Сараево семинарию, в которой было более сотни учащихся. О своем отношении к властям НГХ он лаконично сказал на следствии следующее: «Мое отношение к властям Независимого государства Хорватии было покорным: когда от меня потребовали выступить с речью на радио, я выступил; когда потребовали стать епископом, то согласился; я понял, что я орудие в их руках, которое они употребляют в своих пропагандистских целях... Я всегда покорялся властям Независимого государства Хорватии, кроме одного, когда они хотели, чтобы семинаристов посылали в войска, в СС части, и в этом я проявил упорство». Мифка, как и Гермоген, ходатайствовал перед высшим руководством страны о помиловании православных босанцев

и освобождении их из лагерей, что было крайне трудно. Так, когда Павелич в ответ на его просьбу распорядился, чтобы министр Сава Бесарович (православного вероисповедания, вошел в правительство в 1943 г. как министр без портфеля – *В.К.*) посетил Ясеновац и после обследования освободил православных босанцев, то этот функционер отговорился тем, что «у него больные глаза и поэтому он не может прибыть в Ясеновац»⁶⁰.

Четвертая биография не так для нас интересна. Немногие могут иметь столько. Есть правда, компромат, «политика». Мне представляется все же наиболее целостной, «без скелетов, открытых в шкафу для всеобщего обозрения», третья биография. Она позволяет представить как самого Спиридона Мифку, так и само время, когда церковь строилась по приказу, причем, довольно последовательно.

Переходя к истории православных церквей и священству, необходимо сказать, что в новом хорватском времени в непрестом положении оказались русские священники из эмигрантских семей. Подавляющее большинство их служило на сербских приходах и подчинялось, соответственно, СПЦ. В Независимом государстве Хорватии они оказались и без приходов, и без средств к существованию.

После принятия Устава ХПЦ митрополит Гермоген разослал приглашения всем православным священникам на территории НГХ переходить в ХПЦ. Примерно за год поступило около 80 прошений. На основании этих «бумаг» Гермоген производил назначения на запрашиваемые приходы, но не единолично, а с «соизволения» Министерства правосудия и вероисповедания, которое также обладало этим правом. Добавлю, что эта властная инстиция обладала самым главным – правом контроля над ХПЦ и широкими правами, зафиксированными в уставе самой церкви. Однако в вопросы богослужения оно не вмешивалось, кроме тех случаев, когда поступали доносы о том, что священник не возносит во время службы имя главы государства и митрополита Гермогена. Такое обвинение обычно направлялось в митрополию с приказом известить, что сделано⁶¹.

Поглавник приказывал переменить отношение к сербам, чтобы народ принял новую церковь как свою. На годовщину НДХ, 10 апреля 1943 г., Павелич приказал открыть двери многих церквей. Многие воинские командиры, от низшего командного состава до высшего, получили приказ хорватского вождя о пропаганде новой церкви. «Они должны были объезжать поселения и убеждать народ принимать новую церковь, объясняя, что это их церковь, и что через нее они становятся полноправными гражданами»⁶². Все это свидетельствовало как о глубоком страхе православных, не верящих уже никому и ничему, так и о сильном воздействии отрядов титовских партизан и четников на население. В такой обстановке, когда власть на местах была сильнее власти центра, практика зачастую доминировала над «декламацией».

И тем не менее центр не снижал свою активность по устройству ХПЦ. При этом власти, прежде всего фра Главаш, форсировал назначение русских священников на занятие приходов, так как рассчитывал, что они не будут носителями сербства⁶³.

Первая церковная община была создана в Загребе во главе с о. Петром Лазичем. Первый священник в этой общине был Василий Шурлан. Количество священников трудно установить, так как число иереев менялось из месяца в месяц по условиям того времени. Сразу, вслед за Оберкнежевичем, подчеркну, что в ХПЦ в рядах священства были и хорваты, и сербы, равно как русские, украинцы, македонцы, болгары, но больше всего сербов и православных хорватов⁶⁴. И если вопрос о национальности не так уж труден и важен, то проблема численности священства и тогда доставляла немало хлопот и головной боли как Гермогену, так и властям.

Согласно списку, составленному В. Джуричем, на 1942 г. в ХПЦ было 70 священников. Немало среди них и русских и украинских имен, например: Владимир Соколов, Василий Добронравов, Василий Юрченко, Николай Семченко, Дмитрий Мрихин, Евгений Яржанский (Ержемский), Вениамин Павловский, Павле Козарский, Дмитрий Извольский, Михаил Милоградский, Серафим Купчевский, Лукиан Андриевский, Анатолий Парадиев, Александр Волковский, Платон Бондарь, Диомид Кашенко, Евгений Погорецкий, Николай Руженцов, Иван Мрачковский, Сергей Селивановский, Всеволод Хорват, Андрей Семилуцкий, Алексей Крыжко, Нестор Бребаков, Кесарий Коченко, Никанор Калик, Михаил Песоцкий⁶⁵.

По заявлению самого Гермогена, к лету 1943 г. в Хорватии насчитывалось 80 православных священников. А нужно, утверждал митрополит, не менее 300⁶⁶. В 1945 г. плату

получало только пять служивших в Загребе церковнослужителей: Алексей Борисов, Йоцо Цвинович, Василий Шурлан, Мирон Федерер, Серафим Купчевский, т.е. ближайший круг митрополита Гермогена⁶⁷.

Как и всякая, новая власть, светская или духовная, не «забывала» о наградах, «от века», служащих средством поощрения достойнейших или первых в списке чинов, т.е. начальства. Накануне Рождества 1942 г. Гермоген наградил три десятка священнослужителей. В связи с 3-летием НГХ «Максимов Иванович Григорие», как первый глава ХПЦ, был награжден Поглавником орденом со звездой за добросовестный труд по устройству православной церкви. По предложению **министра правосудия и вероисповедания священник Васо Шурлан** награждался орденом II степени за преданную деятельность в деле основания и устройства ХПЦ⁶⁸.

Однако награждения, полагаю, не могли улучшить само положение священства. Служить было тяжело по многим причинам. Шли убийства пастырей. Происходил процесс насильственного перехода населения в католичество и «превращению православного священника в лишнего человека». Вот лишь несколько характерных примеров.

Семилуцкий Андрей М., священник, приходский священник в Маяре, близ Джакова, епархия Пакрачка (26.10.1876, Россия – 12.12.1942, Кукуњевац). Завершил семинарию в Ставрополе в 1896 г. Рукоположен во дьякона 17 сентября 1899 г. в России, в священника – 25 сентября 1921 г. в Югославии⁶⁹. Убит после того как отслужил панихиду по схваченным во время облавы 700 сербам и лишенным жизни. Это зверство было следствием сопротивления принудительному переводу в католики, точнее их отказа стать таковыми. После войны поставлен памятником всем этим светлым жертвам усташского избиения⁷⁰.

Убивали не только православных пастырей, и не только усташи: греко-католический священник в Дижнике близ Гарешнице Александр Власов-Овдиенко (10.01.1909–27.07.1942) был убит партизаны около церкви ночью⁷¹.

Довольно прохладное отношение наблюдалось и у хорватских православных пастырей к своим собратьям русским. 29 января 1943 г. представитель службы Р. Гейдриха в Загребе штурмбанфюрер СС Ханс Хелм писал в Берлин Рейхсфюреру СС и шефу полиции АМТ-IV и АМТ-VI и в Белград следующие строки: «...Священники из Сербии, которые получают места в Хорватии, натравливают против русских священников в Хорватии, а в некоторых случаях и против хорватской державы...»⁷².

Сама обстановка, повторю, была тяжелой для всего священства ХПЦ. Только один документ.

«Велика жупа Врхбосна № 433/43 от 17 февраля 1943 г. – МПБ отдел богословия, Главной дирекции по охране общественного порядка и безопасности отделение «Х», Загреб,

Правительственному уполномоченному
Сараево

...6. II. 1943 г. вечером прибыл из Власеницы в Хан Песак православный священник г. Радованович с намерением на следующий день, т.е. в воскресенье, покрестить некрещеных детей и обвенчать тех, которые поженились, но еще не венчались. О приезде священника было объявлено по всем окрестным селам, но все же никто не пришел венчаться, и никто не принес детей для крещения..., на службе Божией присутствовали всего 20–25 человек».

8.II.1943 г. было установлено, что «крестьяне во всех селах единогласно заявили, что они не смеют приносить детей на крещение в церковь в Хан Песак, также и те, которые хотели придти на венчание, не смеют придти, боясь четников, так как они им угрожали каждого, кто придет в Хан Песак на венчание или крестить ребенка, убить и сжечь его дом, и что они, четники, имеют своего попа в лесу...». Все уговоры представителя власти были безуспешны; одна женщина ответила так: «И чего стоят все эти слова, если сегодня мы покрестим ребенка, а завтра его убьют»⁷³.

Если говорить об отношении священства к самому Гермогену, то одна его часть была предана своему возглавителю, другая – настроена против него, как русского по национальности⁷⁴. Протоколы допросов владыки Гермогена отчетливо показывают, что его власть была весьма призрачной. «Мое отношение к властям НГХ, – говорил владыка следовательно 26 мая 1945 г., – за все время было лояльным, и я все их распоряжения выполнял и приказывал подчиненным проводить их в жизнь. Также и хорватская православная церковь во

всем покорялась приказам и пожеланиям власти. Если когда я и воспротивился желанию власти, а это относилось к делам, которые противоречили церковным фундаментальным установлениям, то в конце концов принимал их требования»⁷⁵.

И все же, Гермоген, несмотря на свой весь доверчивый оптимизм, признавал, что церковь не могла укрепиться по трем причинам. Первая – непризнание его со стороны Сербского патриарха. Вторая – отношение сербов в Хорватии к его поставлению. Гермоген – русский. Сербь хотели и желают видеть митрополитом серба. Многие священники не хотят сотрудничать с ним, выполнять его распоряжения. Третья – католическая церковь⁷⁶.

К этому добавлю, что партизаны в Боснии и Герцеговины в своем письме к владыке обещали ему еще в 1943 г. как «изменнику и предателю сербов», народный суд, когда они придут в Загреб⁷⁷.

Близился конец войны. 8 мая Загреб был взят частями Югославской народной армии, а сам Гермоген 12 мая подвергся аресту⁷⁸. Судьба возглавителя ХПЦ была предрешена, ведь для новой власти владыка, русский эмигрант, стал «врагом народа».

Но владыке нельзя отказать и в храбрости. На допросе от 26 мая 1945 г. Гермоген показал, что он мог бы покинуть Загреб: ему предоставилась машина, которая должна была доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым»⁷⁹. Наивный.

29 июня 1945 Военный суд Загреба приговорил его к высшей мере наказания. Где захоронены Гермоген и его сподвижники, неизвестно, но на одном из кладбищ Загреба есть памятник погибшим. На памятнике высечен русский крест, но не крест Хорватской православной церкви. ХПЦ была ликвидирована, но идея национальной православной церкви продолжала и продолжает жить в Хорватии и за ее пределами.

¹ *Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996, s. 105.*

² *Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska pravoslavna crkva, München-Barcelona, 1979. Posebni otisak iz "Hrvatske revije" God. XXIX, sv. 2 [114], s. 237.*

³ *Джурић, В. Мишина. Српска православна црква у Независној држави Хрватској 1941–1945 године. Београд, 2002, с. 16.*

⁴ *Cit. по: Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj, s. 244.*

⁵ *Джурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 24.*

⁶ *Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 244–245.*

⁷ *Ibid, s. 250.*

⁸ *См.: Ibid, s. 245.*

⁹ HR-HAD, Republički sekretarijat za unutrašnje poslove službe bezbednosti. F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 109.

¹⁰ *Джурић, В. Усташе и православље Хрватска православна црква. Белград, 1989, с. 78.*

¹¹ *Požar, P. Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 112.*

¹² *Джурић, В. Усташе и православље..., с. 56.*

¹³ Там же, с. 86.

¹⁴ Там же, с. 53–54.

¹⁵ HR-HDA, F. 1076-2-2, № 6347, kut. 460 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).

¹⁶ *Ibid, № 1007 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).*

¹⁷ *Джурић, В. Усташе и православље..., с. 57.*

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ Там же, с. 82.

²⁰ HR-HDA, F. 1076, Srpski odjel, kutija 448. – № 2446 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).

²¹ *Spomemica pravoslavnih sveštenika 1941–1945. Beograd, 1960, s. 59.*

²² *Джурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 113–114.*

²³ *Ци. по: Джурић, В. Усташе и православље..., с. 67.*

²⁴ Там же, с. 69.

²⁵ Там же, с. 71–72.

²⁶ *Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 247–248.*

²⁷ *Джурић, В. Усташе и православље..., с. 72.*

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 70.

³⁰ Там же, с. 70–71.

³¹ *Oberknežević, M. Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 248.*

³² *Джурић, В. Мишина. Српска православна црква..., с. 70.*

³³ Там же, с. 71.

- ³⁴ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 177–181.
- ³⁵ *Ibid.*, s. 181–187.
- ³⁶ Русский вестник. – 2003. – № 24. – С. 12–13.
- ³⁷ http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cg?2_236
- ³⁸ Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Т. 2. Сан-Ансельмо, Калифорния, 1968, с. 156 (Репринт, Москва, 1992).
- ³⁹ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 177.
- ⁴⁰ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 39.
- ⁴¹ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 156–157.
- ⁴² HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 127.
- ⁴³ *Oberknežević, M.* Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 256.
- ⁴⁴ *Ibid.*, s. 254.
- ⁴⁵ HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 42.
- ⁴⁶ *Krišto, J.* Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001, s. 255.
- ⁴⁷ HR-HAD, F. 1561, kutija. 002. – № 7. – L. 44.
- ⁴⁸ *Ibid.*, l. 29.
- ⁴⁹ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 331.
- ⁵⁰ Novi sovjetski patrijarh // Glas pravoslavlja. – № 7/8. – 1 kolovoza 1944 g.; N. P. Sovjetski patrijarh Sergij // *Ibid.* – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵¹ N. P. Sovjetski patrijarh Sergij // *Ibid.* – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵² Poslanica ukrajinskih episkopa // *Ibid.* – № 4/5. – 15 lipnja 1944 g.
- ⁵³ Konferencija pravoslavnih episkopa u Rigi // *Ibid.* – № 7/8. – 1 kolovoza 1944 g.
- ⁵⁴ Litvanski mitropolit Sergije // *Ibid.* – № 4/6. – 16 lipnja 1944 g.
- ⁵⁵ *Oberknežević, M.* Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 251–252.
- ⁵⁶ HR-HDA-218, 250-B, kutija № 4 от 19.08.1941 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).
- ⁵⁷ *Ibid.*
- ⁵⁸ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 257.
- ⁵⁹ *Ibid.*, s. 258.
- ⁶⁰ Протокол допроса Спиридона Мифки от 23 июня 1945 г. // Документ из коллекции, переданной автору Т. В. Пушкадия-Рыбкиной.
- ⁶¹ Протокол допроса Йоцо Цвияновича и Алексея Борисова от 08.06.1945. // Документ из коллекции, переданной автору Т. В. Пушкадия-Рыбкиной.
- ⁶² *Джурнућ, В.* Усташе и православље..., с. 183.
- ⁶³ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 6 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).
- ⁶⁴ *Oberknežević, M.* Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj..., s. 257.
- ⁶⁵ *Джурнућ, В.* Усташе и православље..., с. 209–214.
- ⁶⁶ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 114.
- ⁶⁷ *Požar, P.* Hrvatska pravoslavna crkva..., s. 250.
- ⁶⁸ *Ibid.*, s. 251.
- ⁶⁹ **Spomenica pravoslavnih sveštenika 1941–1945, Beograd, 1960, s. 130 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).**
- ⁷⁰ *Ibid.*
- ⁷¹ Stipan Bunjevac (?) Izvorni dokumenti OZNE o biskupu dr. Janku Šimraku I “prekrštavanju” Srba u NDH / Nastavak 10 Glas Koncila br. 27/05, strana 25 (Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной).
- ⁷² HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 173.
- ⁷³ Ксерокопия. Архив автора // Коллекция Т. В. Пушкадия-Рыбкиной.
- ⁷⁴ HR-HAD, F. 1561, kutija 002. – № 7. – L. 96.
- ⁷⁵ *Ibid.*, l. 42.
- ⁷⁶ *Ibid.*, l. 103, 104.
- ⁷⁷ *Ibid.*, l. 114.
- ⁷⁸ *Ibid.*, l. 39.
- ⁷⁹ *Ibid.*, l. 43.